

**Борьба рабочих за свои интересы в Западной Сибири
конца XIX — начала XX в.***В.Н. Фаронов*

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Workers' Struggle for Their Interests in West Siberia
at the End of the XIX — the Beginning of the XX Century***V.N. Faronov*

Altai State University (Barnaul, Russia)

В конце XIX — начале XX в. рабочий класс в Западной Сибири находился еще в стадии формирования. Большинство рабочих были недавними выходцами из деревни, во многом унаследовавшими стереотипы традиционного поведения, что отражалось и на формах рабочего протеста. В его арсенале были бунты, волнения, хулиганские действия, акты террора, побеги, доноительство и т. п. Эта практика была малорезультативной, носила спорадический характер и представляла собой почти всегда результат эмоционального взрыва, а не обдуманного действия. Однако по мере развития рабочего класса пролетарские формы борьбы начинают вытеснять традиционные и становятся доминирующими. Главной пролетарской формой борьбы за свои интересы становится стачка, так как с ее помощью достигались наиболее внушительные результаты. Основной социальной базой протеста стали рабочие механизированного транспорта, металлообработки, горной и горнодобывающей промышленности. Но по-прежнему традиционные виды протестных действий занимали важное место в рабочей борьбе. Наблюдался рост активности рабочего класса. Однако в целом рабочий протест в Западной Сибири нельзя признать достаточно высоким. Так, удельный вес протестующего пролетариата в наиболее промышленно развитой в Сибири Томской губернии начала XX в. составлял менее 2% протестующих рабочих всей России.

Ключевые слова: рабочие, Западная Сибирь, стачка, протест, борьба рабочих.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-38

Одним из важнейших показателей развития класса является способность его представителей осознавать общность своих интересов, а также умение и практика их отстаивания. В отличие от податных сословий, зрелый рабочий класс был в состоянии определять цели

At the end of the XIX — the beginning of the XX century the working class in Western Siberia was at the formation stage. Most of workers, former peasants, who recently left their villages, in many respects, inherited stereotypes of traditional behavior that was reflected in the forms of workers' protest. In its arsenal there were revolts, disorders, hooligan actions, acts of terror, escapes, informing, etc. This practice was low-productive, had a sporadic character and resulted from emotional explosion, rather than a planned action. However, soon the working class developed proletarian forms of fight which started to force out the traditional forms and became dominant. The strike became the main form of struggle as it helped to achieve the most impressive results. The main social base of protest was composed of the workers involved in mechanized transport, metal working and mining industries. However, traditional types of protest actions took an important place in the fight. The growth of working class activity was observed. Although, in general, the working protest in Western Siberia can hardly be recognized as high. So, the specific weight of the protesting proletariat in the Tomsk Province in the beginning of the XX century which is most industrially developed in Siberia made less than 2% of protesting workers of all Russia.

Key words: workers, Western Siberia, strike, protest, the workers' struggle.

своей борьбы и вырабатывать оптимальные методы их достижения. Но даже тогда, когда класс сформирован и достиг достаточной зрелости, все равно в действиях его представителей будут проявляться рудиментарные стереотипы и формы, присущие прежним

социальным слоям, являвшимся кадровой базой нарождавшегося класса. Еще большее влияние прошлое оказывало на класс только формирующийся, состоящий в основном из маргинального элемента. Именно таким и был рабочий класс Западной Сибири конца XIX — начала XX в. В нем уже присутствовал тонкий немногочисленный слой квалифицированных работников, отличавшихся от остальных рабочих уровнями доходов, образования, культуры, быта и т. п. Но основная масса сибирского рабочего класса состояла из малоквалифицированных или неквалифицированных работников, еще не порвавших связи с деревней или традиционной средой города.

Вполне естественно, что и характер рабочего протеста имел двойственную суть. С одной стороны, пролетарские формы борьбы стали ведущими, но, с другой стороны, протестные формы, присущие традиционным слоям доиндустриального общества, также сохранялись. В связи с этим представляется важным исследование форм борьбы рабочих Западной Сибири за свои интересы исходя из двойственности нового и старого. Рассмотрению этого вопроса и посвящена настоящая статья. Объектом исследования является борьба рабочих Западной Сибири за свои интересы, предметом — традиционные и пролетарские формы борьбы.

Исследование основано на материалах архивов Барнаула и Томска, периодической печати и фольклорных источников, а также данных исследовательских работ. Методологической основой является «теория модернизации», согласно которой в период перехода общества от преמודерна к модерну происходит распад прежних социальных слоев и формирование новых, что обуславливает маргинальное положение значительного числа населения — в нашем случае речь идет о промышленных рабочих.

Крестьянская традиция протеста. Маргинальное состояние значительной части рабочего класса Западной Сибири отражалось на характере протестных действий, борьбы за свои личные и классовые интересы. Огромное влияние на борьбу рабочих по-прежнему оказывала крестьянская традиция протеста.

Но какие оставались традиционные формы протеста у рабочих? В рапорте 22 января 1893 г. управляющий Кольчугинской копи описывает методы выражения протеста рабочими, по сути своей сходные с крестьянскими: «выбивание окон в доме управляющего, приклеивание к дверям самой отборной плошадной брани, различные доносы по начальству» [1].

Ярко подобная форма протеста отражена в народном творчестве, которое, наряду с прочими своими функциями, играло и обучающую роль, показывая пример действия. Поэтому к материалам фольклора нужно отнестись со всем вниманием. В одной из бытовавших в рабочей среде песен хорошо обрисовыва-

ется типичная протестная ситуация, равно как и задается некий идеальный образ рабочего:

*Петрованы-гулеваны,
Что заробят, то пропьют,
На завод потом идут.
Подбегает мастер к стану
— Я ругать тебя не стану,
Распотрошу, как козу,
Все начальству доложу.
— Не боюсь тебя, начальство,
Пообвыкли мы к нахальству,
Маша добра у меня,
Наплевать мне на тебя.
Мастер сдуру осердился,
За железину схватился,
На петорована хоп-скачок.
Петрована потаскали,
Жандармы ребра поломали,
Но не сдался петрован,
На то русский он Иван.
Петрованы-гулеваны
Не боятся никого,
Как слушаешь их песни,
Ох, и браво до чего [2, с. 63–64].*

Таким вот представлялся идеал рабочего-гуляки, которому «море по колено», и вся борьба которого за свою «лучшую долю» сводилась к нарушениям дисциплины и потасовкам с администрацией и полицией. И все это зачастую под воздействием алкоголя — иначе бы не хватило смелости. Вот слова одного из горнорабочих: «Эх, вина у нас на прииске не было! Было бы вино — все бы начальство порешили! Злые были мы!» [3, с. 127]. Фольклор отражает и характер протеста без алкоголя: «На Кальминском даже мешков у рабочих не было, не во что правиант ложить. Ждали пристава Набокова, хотели жалобу производить. А перед тем Александр Павлович Шонгин все говорил: — Я, молодчики, буду жаловаться. А вы кричите, что правильно. Ребята говорят: — Будем кричать, что правильно. Вот приехал Набоков. Построил команду — двести человек в шененгу. Набоков спрашивает: — Как, дети, не обижены ли провиантом? Александр Павлович Шонгин из шеренги выступил и сказал: — Ваше благородие, кормят плохо, лозами дерут шибко. Набоков спрашивает: — Верно ли, дети? Грозно спросил. Все молчат. Еще спросил. Молчат. Спросил в третий раз. Вся команда как воды в рот набрала. Набоков заорал: — Бунт! Задрать негодяя! Вкатили Шангину семьсот...» [3, с. 110].

Такие случались коллективные действия, если не было чего-то, придающего смелости. В.П. Зинovieв отмечал: «Покушения на жизнь служащих были следствием редкого стечения обстоятельств: эмоциональный работник, не потерявший понятия о чести и достоинстве, сталкивался с рьяным или садистски настроенным служакой. Так, на Царево-Николаевском

прииске мастеровой Пальников убил не в меру сластолюбивого управляющего, преследовавшего жену рабочего» [4, с. 178]. И в то же время «случаи специально организованных покушений на жизнь администраторов были редкими. В 1796 г. работники Риддерского рудника, по предварительномуговору, убили управляющего Шрама. В 1829 г. бергаер Змеиногорского рудника Чикилев в сговоре с тремя товарищами пытался убить смотрителя. В 1830-е гг. рабочие кабинетских приисков убили двух служащих. В 1854 г. мастеровой Зырянского рудника Н. Оксенов ранил подмастера за притеснения» [4, с. 178].

В рабочем фольклоре встречаются немало мест, посвященных террористическим актам: «Пристав был злой, хотели его кирпичом забить»; «Мастер был по названию Змея, заведовал горой. Все бегал, смотрел, кто как робит. Отец урока не выполнил — мастер его правилкой ударил. Отец кайлом замахнулся... да тут попалась носилка, он об нее запнулся и кайлом в спину Змее угодил»; «Нарядчик Жаба приехал на промывку, вожжи увидел — дядю правилкой побил за вожжи. Илья Филиппыч был парень молодой, не стерпел. Поймал Жабу за ворот, хотел в машину спустить, где грабли ходили, чтобы его, гада, с песком растерло. Рабочие не дали — пожалели Илью Филиппыча, была бы ему за нарядчика смерть» [5, с. 68–73]. Есть там и упоминание о Пальникове: «Будто бы на Спасском Пирожков был управляющий. Шибко наказывал, наказывал своеручно. И стало рабочим невоготу. И нашелся один рабочий... Пальников... Говорит: Я пострадаю за всех мастеровых. Крестьянские винтовки были старинные, с длинным дулом. Пирожников идет в золотавесную, а этот приложился и раз ему в грудь, Пирожников ахнул, пал на месте. Построили всех в шеренгу, давай спрашивать: кто убил?... Пальников... вышел из шереди и говорит: — Братцы, за вас я убил! Убил злодея, погибну, а может вы жить лучше будете. Страдаю за народ! Принял казнь, а рабочим, верно, стало жить получше. Прислали из Горного корпуса нового управляющего... Тот был помягче. А скоро и воля вышла» [5, с. 111]. Или «Так рабочий открыл створку в окне, да и всадил нож в спину управляющему. Отплатил. Задрали его, ясно» [5, с. 112].

Как видим, отдельные акты террора против начальства случались, но много ли от них было проку? Скорее всего, не было вообще. Но замечательнее всего в фрагменте о Пальникове то, что рабочие рады исключительно милости нового начальника, т. е. налицо пассивный подход даже не в сопротивлении, а в ожидании милости сверху и готовность стерпеть все что угодно.

Кроме хулиганских действий, доноительства, а в редких случаях и террористических актов, в качестве своеобразной формы протеста массовым явлением было также бегство с работы до окончания кон-

тракта [6, с. 11, 12, 15]. Не редкостью на предприятиях Сибири были и стачки, преимущественно экономического характера. Но они являлись скорее проявлением крестьянского менталитета, т. е. походили больше на стихийные бунты, чем на организованные действия нового класса промышленных рабочих [7, с. 81]. Даже исследователи советского времени вынужденно констатировали, что «в рабочем движении преобладали в предреволюционный период стихийные выступления — экономические стачки, волнения, жалобы и побеги... Большая часть стачек... были краткими вспышками протеста, направленными на достижение сиюминутных целей» [8, с. 98].

Подобного рода формы протеста осуществлялись и значительно позднее, в начале 1920-х гг., о чем свидетельствует, например, двухнедельная информационная сводка Дорожной транспортной чрезвычайной комиссии Томской железной дороги за время с 1 по 13 июля 1921 г.: «ОДТЧК — Боготол. Настроение рабочих и служащих за данный период неопределенное, у большинства нервное... Взаимоотношение между рабочими и администрацией обостренное, то могут подтвердить следующие факты: рабочий депо Боготол Лопатко, придя к Т.Ч. Носкевичу за бюллетенем и не получив такового, последнему нанес удар зубилом в голову. Или так, 6 июля гр. Цыканков, придя в депо, сделал замечание рабочему Васильеву за то, что последний в часы занятий, занят частною работой, ответу чему последовало несколько голосов в след гр. Васильеву, что начальство-то много, да порядков нет, а сначала вы нас накормите, да одените, тогда и спрашивайте работу и т. д. Затем на 5 уч. 5-м околке сл. Пути 7-го июля во время работ на пути пострадавшим рабочим, как руководителем артели было сделано замечание рабочему Митковскому за то, что последний халатно относился к работе, результатом чего был сначала спор, а потом рабочим Митковским был нанесен удар пострадавшему Петрову острием железного лома в бок, после чего последний был отправлен в больницу на перевязку, где рана оказалась не опасной...» [9, л. 52]. А иногда доходило и до подобного: «...в течение недели три раза разобран путь, было крушение поезда, разбито 17 вагонов, из них 13 сгорело, жертв много, трупов хороненных 25, раненных 49, сгоревших не выяснено, следственной Комиссией заподозрены и арестованы 6 человек, рабочие во главе старшего рабочего пути» [10, л. 30]. Как видим, свою озлобленность некоторые рабочие могли выместить на ком угодно, в том числе и на совершенно невинных людях, да еще и переходящим границы всякой адекватности способом.

Пролетарский протест. Культурный рост рабочего становился основной причиной все возрастающей борьбы пролетариата за свои права. Вот что по этому поводу писал исследователь рабочего вопроса нача-

ла XX в. А. Недров: «Факт возрастания потребностей у трудящихся не подлежит сомнению... Это возрастание объясняется ростом культурности, интеллигентности, который, в свою очередь, объясняется целым рядом факторов, из коих некоторые действуют со стихийною силою. Рабочие стремятся не только сохранить, но и непременно поднять свой жизненный уровень до возможного максимума. Это ведет к сильному росту недовольства настоящим положением, как бы оно ни было высоко сравнительно с прежним... Это повышение требовательности особенно питается убеждением, что рабочий имеет право на большую сумму благ, чем он получает в виде заработной платы от своего хозяина, который выступает в его сознании, как эксплуататор. Благодаря этому могущественному идеологическому фактору, современные «низшие» классы не хотят оставаться в своем положении, не обнаруживают больше терпения, добродетели рабов» [11, с. 5].

Далее А. Недров обосновывает повышенные притязания рабочих следующим: «Именно резкий контраст с комфортабельными вилами, с элегантными экипажами, с блестящими магазинами, с роскошными ресторанами поражает рабочего, когда он проходит мимо них на свою фабрику, в свою мастерскую, в свой пустынный квартал. Эта-то громадная разница в положении и порождает в массах ненависть... И характерно для нашего времени, что происходит это, главным образом, потому что располагает этим блеском не церковь, не князья, а те, в зависимости от которых массы себя чувствуют, в чьей экономической власти они себя видят непосредственно, в ком усматривают они своих так называемых эксплуататоров» [11, с. 6].

Действительно, важным было то, что роскошь и возможность эксплуатации перешла из рук высших сословий — чьи привилегии и эксплуатация считались нормальным положением вещей во многих традиционных культурах, где сами представители аристократии и жречества почитались если и не божественными сущностями, то людьми, причастными к божественному порядку, а значит, и по праву наделенными богатством и властью, — в руки таких же простолюдинов, отличающихся от рабочих лишь обладанием материальным богатством. Восстанию против таковых уже не было иного препятствия, кроме частного и государственного насилия. Но, как известно, «на штыках сидеть» невозможно, что изначально предопределяло буржуазию и бюрократию к уступкам рабочим, по мере неизбежного нарастания их борьбы за свои права.

Основные требования рабочих носили экономический характер, их суть заключалась в повышении заработной платы. Даже требования сокращения рабочего времени имели такое же значение. Об этом, совершенно справедливо, на наш взгляд, писал Н.Н. Полянский: «Настаивая на сокращении времени труда,

рабочие не соглашались на сокращение их дневного заработка; облекать же свои притязания в форму требования сокращения рабочего дня для рабочих является предпочтительным, во-первых, потому, что ввиду однообразия этого требования, оно более, чем какое-либо другое, соответствует международному и общественному характеру современного стачечного движения, и во-вторых, потому, что сокращение рабочего дня уже само по себе должно благоприятно отражаться на заработной плате, так как оно принуждает предпринимателей расширять контингент рабочих и тем самым ослабляет конкуренцию в рабочей среде» [12, с. 13]. Все прочие требования, например, улучшение условий труда, уважительного отношения к личности рабочего и иные, не говоря уже о политических требованиях, носили в рассматриваемый период дополнительный характер (исключая революционные периоды 1905–1907 гг. и 1917 г.).

Это в полной мере относилось и к Сибири, где до революции 1905 г. требования половины стачек заключались в повышении заработной платы, а четверти стачек — в сокращении рабочего дня и улучшении условий труда. В каждой десятой стачке (42) присутствовали требования изменения кабальных условий контрактов и уважительного отношения к рабочим. Лишь в 22 стачках отмечены политические требования [4, с. 225].

Пик политических требований в стачках и волнения приходился на годы Первой российской революции 1905–1907 гг. Затем основными вновь становятся экономические требования. Однако теперь появились и новые требования, такие как признание профессиональных союзов рабочих.

Основной формой борьбы рабочих в исследуемый период являлась стачка. Перед революцией 1905 г. 61,9% (44723 чел.) всех участников рабочего движения были стачечниками, 15,1% (10959 чел.) принимали участие в 74 волнениях, и лишь 13,2% участвовали в пассивных формах протеста — в побегах и подачах жалоб. Наиболее сильный размах рабочего движения пришелся на годы революции. Так, из 370 тыс. сибирских рабочих в 1905 г. бастовали 30%, в 1906 г. — 7,8%, в 1907 г. — 3,3% [4, с. 225–226].

Отметим и то, что рабочие не всегда шли в авангарде борьбы с правящим режимом. Так, например, в Томске наибольшую революционную активность проявили интеллигенция, учащиеся и служащие. Один из участников октябрьских 1905 г. событий в Томске отмечал, что действиям активистов революционного движения «неожиданный отпор был дан в кузнечных рядах на Белом озере. Кузнецы «напали на нашу группу и начали избивать всем, что было в руках»» [13, с. 23]. В обвинительном акте окружного суда о тех же событиях в Томске отмечалось, что «в народе, в особенности в среде мелких торговцев и рабочих, замечалось недовольство по поводу забастовок», а также,

что «центральные улицы Томска заполнились толпами народа, «преимущественно из рабочего люда» и «везде слышались враждебные речи против забастовщиков, которые силой склоняли весь рабочий люд к забастовке»» [13, с. 24, 79].

Как видим, даже в период революционных событий рабочие далеко не всегда были готовы поддерживать радикалов. В более спокойные времена случались инциденты, когда активисты заставляли рабочих бастовать методами угроз. Так, служащий депо Пост-Тюмени в письме в редакцию сообщал о таком случае: «один из рабочих... прибежал... в барак к плотникам... собиравшимся после обеденного звонка встать на работу, и закричал на них, что все забастовали и чтобы они не смели оставаться работать по будничному, а то им попадет; после таких угроз, конечно, ушли и плотники. На следующий день почти половина рабочих встала на работу по будничному, а к вечеру мне заявили несколько человек, что они боятся продолжать работу, вследствие угроз неработающих мастеровых» [14, с. 3].

В целом революция принесла облегчение в положение рабочих: повысились зарплаты, сократился рабочий день, администрация и хозяева стали уважительно обращаться с рабочими. Но это длилось недолго, и вскоре работодатели во многих отношениях вернулись к прежнему порядку вещей. Так, газета «Сибирский коммерсант» писала: «Рабочие железнодорожных мастерских с трепетом ждут нового понижения расценок с наступлением лета... Первое понижение расценок было сделано в январе 1907 г., второе — в июне 1908 г. на 150–200%... так что заработок рабочих сразу настолько упал, что многие из них были вынуждены искать побочного заработка или позаботиться о приискании заработка другим членам семьи, женщинам и детям. В июне 1909 г. снова были понижены расценки на сдельные работы в 1½ — 2 раза. А в марте текущего года были уничтожены, наконец, все книжки с условием, заключенным в 1906 г. между администрацией и советом старост по поводу сдельных работ. Этим были уничтожены последние следы прошлых улучшений» [15].

Изменился и характер стачек: они стали более робкими и, соответственно, менее результативными. Вот что об одной из таких стачек писалось в 1912 г. в «Вестнике Западной Сибири»: «Совсем не так обстоят дела теперь... по всей линии царит „прижим свыше“ и покорно безмолвное терпение рабочих и вера в принцип „моя хата с краю“... не угодно ли для примера описание подобию забастовки... В конце марта администрация завода вывешала объявление, в котором извещались все рабочие... что рабочий день удлиняется на один час (с 9 до 10 часов), а по субботам работа до 5 часов вместо бывших 2 часов. Ознакомившись с объявлением, рабочие отправились к хозяину для объяснений... хозяин заявил рабо-

чим, чтобы они забыли думать о прежних условиях... что они все равно будут работать, деваться некуда. После этого рабочие устроили совещание, на котором и решили работать на новых условиях, главным образом под влиянием „стариков“, боявшихся „беспорядков“. Однако вскоре слесаря, модельщики, кузнецы и чернорабочие... решили явочным порядком ввести старые условия, и, проработав до 5 часов, ушли с работы... На другой день эти „самовольщики“ не были допущены к работе и всем им был объявлен расчет... Узнав об участии уволенных, некоторые из солидарности заявили расчет и не хотели работать, пока не будут приняты все. Но храбрости „забастовщиков“ хватило не на долго, и на следующий же день объятые „раскаянием“, решили обратиться снова к хозяину с просьбой принять на новых условиях, но только всех... Видя... такую покорность и слабость „бунтарей“, хозяин бросил просителям небрежно: — Ладно... Я составлю список, кого можно, возьму. И тут же заявил одному токарю, что его ни за что не возьмет, пусть он и не приходит... И так большинство вернулось к своему „разбитому корыту“, а к уволенным все-таки присоединилось несколько рабочих завода. Вступившие же на работу еще получили „минус“ — сбавку заработка, так получав 1 р. 80 к., получают 1 р. 50 к. — 1 р. 20 к... Хозяин же после успеха над „забастовщиками“ сказал одному рабочему, признав его зачинщиком: — С кем ты хотел сделать дело? Ведь это просто — бараны. Вот я расставляю ноги и прикажу им ползти и, поверь мне, поползут» [16].

Однако, несмотря на плачевное состояние дел в рабочей борьбе, она продолжалась все межреволюционные годы. Так, горнорабочие в этот период бастовали 3766 раз, рабочие обрабатывающих отраслей — 287 раз и прочих отраслей — 275 раз. За эти годы возросла и организованность выступлений рабочих. У них появились организационные штабы, выдвигались продуманные требования и цели, создавались планы действий. В 1895–1904 гг. в организованных выступлениях принимали участие 50,1% стачечников, в 1905–1907 гг. — 71,6%, а в межреволюционный период — 62,1% [4, с. 231, 240].

К началу XX в. в среде сибирских рабочих становится заметной тенденция роста организованной борьбы за свои права, в том числе и политической. По числу забастовщиков за десятилетие с 1895 по 1904 г. самая экономически развитая в Сибири Томская губерния занимала первое место в Сибири. Здесь было 1,6% всех забастовщиков страны [17, с. 13], что также свидетельствует о появлении рабочего мировоззрения и распаде маргинальных для рабочей среды традиционных представлений. Впрочем, и преувеличивать значение этой тенденции тоже нельзя.

Можно полностью согласиться с выводами В.П. Зиновьева, в которых утверждается, что за период 1895–1917 гг. «главной фигурой рабочего движения стал

рабочий машинной индустрии — механизированного транспорта, горнозаводской и фабрично-заводской промышленности. Рабочие фабричного производства в 1895 г. — феврале 1917 г. дали 52% стачечников, а с шахтерами угольных копей и золотых промыслов, переживавших переходную стадию от мануфактуры к фабричному предприятию, четыре пятых участников стачечного движения» [4, с. 238]. Но «по сравнению с рабочими Европейской России рабочие Сибири отставали и в социальной зрелости и в классовой активно-

сти лет на 30. Рабочие машинной индустрии стали главным субъектом стачечного движения в Европейской России уже в 1870-е гг., тогда как в Сибири — во второй половине 90-х гг. XIX в. (железнодорожники и горняки)» [4, с. 240].

Однако, несмотря на это, по-прежнему традиционные формы борьбы занимали важное место в протестных действиях рабочих, что стало следствием незавершенного генезиса рабочего класса в первых десятилетиях XX в.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 127.
2. Народная поэзия рабочих Сибири. — Улан-Удэ, 1974.
3. Мисюрев А. Легенды Горной Колывани. — Барнаул, 1989.
4. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. — Томск, 2007.
5. Мисюрев А.А. Предания и сказы Западной Сибири. — Новосибирск, 1954.
6. О положении рабочих в Сибири // Сибирские вопросы. — 1911. — № 34.
7. Кожевин В.Л. Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения // Вестник Омского университета. — 1999. — Вып. 3.
8. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика : в 3 т. — Томск, 1988. — Т. 1.
9. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 55.
10. ЦДНИТО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 55а.
11. Недров А. Рабочий вопрос. — СПб., 1906.
12. Полянский Н.Н. Стачки рабочих и уголовный закон. — СПб., 1907.
13. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. — Томск, 2010.
14. Мычельнин А.А. Письмо в редакцию // Вестник Западной Сибири. — 1913. — № 94. — 2 мая.
15. Хроника // Сибирский коммерсант. — 1910. — № 82. — 13 апр.
16. Чугунно-литейный завод Машарова // Вестник Западной Сибири. — 1912. — № 151. — 10 июля.
17. Пушкарева И.М. Информационные ресурсы нового массового источника по истории дореволюционного рабочего движения в России // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке : материалы IV Международной науч. конф. : в 2 ч. — Кострома, 2007. — Ч. 1.